

Приняв решение, Ши И не колебался и не отступал. В тот же вечер он отправил директору академии заявление о переводе на факультет мехов — в самый обычный класс.

Не прошло и двух часов, как персональный терминал тихо дзинькнул.

Отказ.

А ведь еще неделю назад преподаватели не просто обычных, а элитных классов сами искали с ним встречи. Единственное, о чем его просили, — сбавить напор во время вступительных испытаний за распределение личных номеров, дабы не травмировать психологически курсантов, прошедших вторичную дифференциацию куда раньше.

Теперь же даже скромное место в обычном классе стало для него недостижимым.

Впрочем, Ши И был к этому готов. Всего за неделю, прошедшую с момента вторичной дифференциации, он успел сполна прочувствовать всю «особую заботу», которой общество окружало Омег. И пусть раньше под влиянием матери он считал себя чутким и уважительным по отношению к ним, реального положения вещей не ведал вовсе.

Чужая шкура всегда кажется мягкой, пока сам в нее не влезешь. Но теперь...

Ши И лишь усмехнулся и свернул окно уведомления, не задерживая на нем внимания.

Вполне ожидаемо.

Он подошел к ростовому зеркалу и задрал край футболки, пристально вглядываясь в свое отражение.

Прежде рельефный, безупречно проработанный кубиками пресс разгладился. Кожа оставалась упругой и гладкой, однако с первого взгляда становилось ясно: эта плоть не ведала настоящих нагрузок.

Ши И подался вперед, почти уткнувшись лицом в зеркальную гладь.

Даже с такого расстояния на коже не проглядывало ни единой поры — безупречно белая, ровная, точно изысканный фарфор. Прежде, во время изнурительных тренировок под палящим солнцем и ледяным ветром, о подобной аристократической бледности не приходилось и помышлять.

Так обычно выглядели избалованные Омеги, изо дня в день изнуряющие себя косметическими процедурами. Впрочем, даже самый привлекательный Омега из тех, кого Ши И встречал раньше, вряд ли сравнился бы с ним сегодняшним.

К тому же черты лица — то ли показалось, то ли нет — сгладились, стали мягче. Волосы истончились и обрели шелковистость, да и вся фигура в целом выглядела хрупкой и уязвимой.

Неудивительно, что в поединке против Ши Линя он потерпел столь разгромное поражение.

Сражаться в подобном теле...

Ярость хлынула через край. Ши И со всего размаху ударил кулаком по зеркалу. Гладкая поверхность со звоном разлетелась паутиной трещин, острые осколки посыпались на пол, а некоторые вонзились прямо в непривычно нежные пальцы.

Между фалангами проступила алая кровь.

Крайность белого и красного сплелась в завораживающе-уродливый, почти болезненный контраст.

Ши И лишь тихо фыркнул, небрежно встряхнул кистью и, взяв пинцет, с холодным спокойствием вытащил глубоко въевшиеся стеклянные крошки.

Раньше от одного лишь импульса его удара разлетелась бы не просто зеркальная амальгама — рухнула бы вся несущая стена за ней!

Физическая форма просела катастрофически. Нагрузки придется удвоить, а то и утроить...

Обрабатывая раны и на ходу перекраивая график тренировок, Ши И внезапно почувствовал, как зрение застлала мутная пелена.

Обомлев, он провел ладонью по щеке — пальцы ощутили влагу. Ши И пораженно распахнул глаза, недоверчиво касаясь век. Ресницы трепетали, выдавливая из глазниц всё новые и новые слезы.

Зрение прояснилось, но он так и застыл истуканом, не в силах оторвать взгляда от прозрачной капли на кончике пальца.

«Я... плачу?»

Он с диким неверием уставился на свою окровавленную руку и надавил на порез. Острая, пронизывающая боль запоздало прошла вдоль позвоночника, отчего волосы на теле встали дыбом, а слезные железы вопреки его воле продолжили вырабатывать влагу.

Выходец из династии военных, он с малых лет усвоил незыблемый закон: проливай кровь и пот,

но никогда не проливай слез. И хотя в семье его, младшего ребенка, осыпали лаской, в тренировках спуску не давали никому.

Даже когда в жестоких спаррингах ему ломали руки или ребра, он лишь стискивал зубы, поднимался с пола и с гордо поднятой головой отправлялся в регенерационную капсулу, сохраняя холодный рассудок и разбирая собственные ошибки.

Ни единой слезинки. Ни разу в жизни.

А теперь из-за ничтожного пореза, на который раньше он и внимания бы не обратил, слезы лились ручьем.

Совсем как у хрупких, беспомощных Омег.

Жалкое, невыносимое зрелище.

Оказывается, уязвимость Омег кроется не только в физической слабости — она обусловлена гиперобостренным восприятием и гиперчувствительностью нервных окончаний. Как бы ни тошно было это признавать, логика этой абсурдной эволюции стала предельно ясна.

Те Омеги, что вечно краснели, плакали от малейшей царапины и выглядели капризными недотрогами, плакали не от избалованности. Они просто не могли сдержаться.

Боль, которую они испытывали, действительно превосходила боль Альф в десятки раз.

Закон биологической эволюции: всё ради размножения.

Ха...

До чего абсурдно.

В каком же беспомощном и отчаянном положении находятся Омеги!

Глубоко вздохнув, Ши И с мрачным видом убрал осколки, плеснул на раненую кисть антисептик, наскоро обмотал ее бинтом и, вытерев слезы, направился прямо в подземный тренировочный зал.

Выносливость, мышечный тонус, реакция — все это можно вернуть. Нужно лишь пахать вдвое больше.

В последующие дни Ши И буквально поселился на тренировочной площадке. Голод заглушал

пакетиками с питательным раствором, валился с ног от усталости, но упорно отказывался от отдыха, пока не выжимал себя до капли — так, что не оставалось сил даже перевернуться. Едва восстановив крупицу энергии, он снова бросался в адский круговорот изнурительных упражнений.

Это истязание собственной плоти принесло первые плоды.

Потенциал человеческого тела поистине безграничен. Раз за разом испытывая себя на прочность, он остановил угасание организма: физические показатели поползли вверх, на животе вновь проступили отчетливые контуры пресса, а из фигуры ушла болезненная хрупкость.

Какая разница, сколько боли придется вытерпеть? Если решение принято, доводить дело надо до конца, чего бы это ни стоило.

Это в тысячу раз лучше, чем влачить жалкое существование.

К тому же разве не принято считать Омег красивыми пустышками, способными лишь плакать да обузой висеть на чужой шее?

Что ж, пришло время доказать этим снобам, что предвзятость и суждения по внешности — удел узколобых глупцов.

На следующее утро Ши И, разгуливая по коридорам с пакетиком клубничного молока в зубах, вошел в кабинет директора Дин Мина. С тех пор как выяснилось, что его рост после дифференциации вряд ли увеличится, Ши И глушил молоко литрами.

И хотя до вторичной дифференциации его статная, стройная фигура считалась весьма высокой даже по меркам Бета-особей, на фоне Альф, стремительно махавших вверх после созревания, он проигрывал. И этот факт бесил его до невозможности.

Сдаваться без боя он не собирался.

Услышав шаги, Дин Мин поднял голову. Визит Ши И не стал для него сюрпризом — скорее вызвал смиренный вздох.

Ши И вечно подшучивал, называя директора стариком, хотя тому едва перевалило за сотню. Для эпохи, где средняя продолжительность жизни составляла два-три века, Дин Мин находился в самом расцвете сил.

Снаружи он выглядел как импозантный, мягкий мужчина средних лет с добродушной улыбкой. Впрочем, за этой обманчивой мягкостью легко было упустить из виду главное: человек, в одиночку поднявший Императорскую военную академию на вершину величия, никак не мог быть простым добряком.

— Сяо И, какими судьбами? Как самочувствие после больничного? Вторичная дифференциация — серьезная нагрузка на организм, тебе нужно больше отдыхать... — Дин Мин согрел его ласковым взглядом, словно перед ним сидел не главный смутьян академии, а любимый племянник.

— Слышал, вы отклонили мое заявление о переводе на другой факультет. Вот и пришел поболтать, — Ши И без церемоний уселся в кресло напротив директора в вальяжной, развязной позе, совершенно немыслимой для Омеги. — Неужели и вы считаете, будто мне самое место на курсах «идеальных невест», флористики и чайной церемонии?

— Хм, вот ты о чем... — Дин Мин поправил очки на переносице и снисходительно улыбнулся: — Сяо И, я прекрасно понимаю твои чувства. Ты с детства привык быть лучшим. Однако на факультет мехов Омег не зачисляли никогда. Таков устав. Не усложняй жизнь старому дяде.

— Не зачисляли Омег? Это что, сексизм и дискриминация по половому признаку? — с легким презрением хмыкнул Ши И, отвечая напорным взглядом.

— Что за глупости! Это забота о безопасности ценных членов общества... — Улыбка на лице Дин Мина померкла, а выражение стало строже.

Пусть предвзятое отношение к Омегам пронизывало весь социальный уклад, обвинение в половой дискриминации оставалось чересчур тяжелым ярлыком, брать на себя который никто не желал.

Тем более что запрет диктовали суровые реалии: Омеги и пилотирование мехов просто несовместимы.

Виной тому — как катастрофически низкие показатели физической выносливости, так и нестабильный период течки, превращающий боееспособного пилота в ходячую бомбу с часовым механизмом.

— Вот как? Вполне логично, — задумчиво кивнул Ши И, делая вид, будто соглашается. — Но если Омега вполне способен за себя постоять, а его все равно насильно лишают права учиться и служить Родине... Как тогда называется подобный произвол?

— Эх, ну что за упрямый мальчишка, — вздохнул Дин Мин. Посмотрев на него со сдержанной укоризной, как смотрят на неразумное чадо, он принялся мягко увещевать: — Омеги от природы хрупки, а пилотирование меха требует колоссальной ментальной силы. Это тебе не игрушки. Если тебе так нравятся боевые машины, я лично подарю тебе одну. Но реальный бой

— совсем иное дело. Если с тобой что-нибудь случится, как я посмотрю в глаза твоему отцу?

Как директор академии, Дин Мин отлично знал, из какой семьи происходит Ши И, а потому на прежние выходки парня закрывал глаза — пока те не переходили грань.

— Зачем вам перед ним отчитываться? Ребенок из династии военных, получивший ранение из-за собственной слабости, должен испытывать стыд, а не винить академию. К тому же... — Ши И сделал паузу и, чеканя каждое слово, в упор спросил: — С чего вы взяли, будто я не в состоянии за себя постоять?

— Ну... — Дин Мин замялся. Результат предварительного обследования в девяносто восемь баллов был феноменальным, достойным войти в историю. Но факт оставался фактом: Ши И — Омега.

А стоит пройти вторичную дифференциацию в Омегу, как судьба человека оказывается предопределена. Никакие споры тут бессильны.

К тому же, учитывая происхождение юноши, случись с ним беда — отвечать придется головой.

— «Омегам запрещено поступать на факультет мехов» — такой строки в уставе академии попросту нет. Это отделение всего лишь не входит в стандартный перечень рекомендуемых специальностей, — хмыкнул Ши И. — Но если внимательно изучить свод правил, то прямого запрета вы там не найдете. И вам это прекрасно известно.

Сделав пару свайпов на персональном терминале, он спроецировал голографическое окно прямо на стену:

— Что же касается моей способности защитить себя... Прошлым вечером мой личный врач прислал результаты анализа на уровень феромонов. Полагаю, сухие цифры скажут куда больше пустых слов.

На полупрозрачной панели четко выделялась строка:

****[Уровень феромонов: S-класс]****

Именно такой показатель соответствовал его грандиозным девяноста восьми баллам.

Уровень феромонов — параметр особый. Он определяет абсолютный потолок потенциала человека.

Будь Ши И Альфой с S-классом, его ментальная сила и физическая выносливость без труда достигли бы ранга A+, а со временем перешагнули бы и этот рубеж — вершину, недостижимую

для подавляющего большинства.

Но даже став Омегой, он сохранил эту невероятную базу. Пусть физически он уступал прежней форме, его показатели все равно оставались колоссальными.

Один только S-класс гарантировал, что в критических ситуациях Ши И за себя постоит.

Омега? Ну и что!

Пропасть между рангами не преодолеть никакими гендерными стереотипами. Так что аргумент о «беспомощности» рушился на глазах.

Дин Мин взирал на яркую букву «S». В его глазах вспыхнул азартный огонек, однако сомнения не рассеялись до конца.

Запереть человека с подобными данными дома, заставив выскочить замуж и рожать детей, — вопиющее расточительство. Но Омеги слишком нестабильны. Допустим, со спецификой течки Ши И справится, но колоссальная разница в физических возможностях все еще не позволяла директору пойти на такой риск и сделать исключение.

Поглаживая подбородок и глядя на ошеломительные показатели, Дин Мин после долгой паузы тяжело вздохнул:

— Допустим. Но чтобы попасть на факультет мехов, ты обязан пройти квалификационный отбор. Это абсолютный минимум. Раз уж претендуешь на равные права с Альфами, изволь соответствовать и общим вступительным требованиям. Иначе преподаватели меня живьем съедят...

Не дав Дин Мину договорить, Ши И мгновенно ухватился за суть:

— Значит, если моя физическая подготовка пройдет проверку, вопросов не возникнет? Спасибо, господин директор!

Не успел Дин Мин и рта открыть, как Ши И с сияющим видом выскочил из кабинета, не оставив ни единого шанса забрать слова обратно.

— Вот же сорванец... — Дин Мин со вздохом покачал головой и набрал номер центра тестирования.

Он знал Ши И с малых лет. Тот всегда отличался дерзким нравом и вечно влипал в неприятности, однако его железной воле мог позавидовать каждый.

Если Ши И что-то вбил себе в голову, он добьется цели любой ценой. И уж лучше пойти ему навстречу сейчас, чем дожидаться, пока он выкинет очередной безумный трюк и окончательно разрушит существующие устои.

А если показатели окажутся ниже нормы... Что ж, тогда пенять придется только на себя. Зато блажь дурная из головы вылетит.

<http://bllate.org/book/20113/1993465>